

Меня выдают замуж за убийцу.

Эта мысль терзает меня уже четыре дня и все не укладывается в голове. Пусть все в округе твердят, что Джамалутдин-ата самый уважаемый человек в нашем селе и мне повезло быть за него сосватанной, женщины у родника провожают меня жалостливыми взглядами, а Шамсият-апа вчера поутру сказала мне в спину: «Вай, Салихат, бедняжка!»

Мне шестнадцать, и меня некому защитить. Моя мать умерла так давно, что я ее почти не помню, а мою любимую сестру Диляру отец выдал замуж прошлым летом, теперь она живет в соседнем селе, и видимся мы редко. Я живу в доме отца и его новой жены, которая занята тем, что каждый год рождает по ребенку, а однажды родила сразу двоих, одного за другим, с разницей в десять минут. Жубаржат почти не покидает своей половины, она занята детьми и хозяйством, а когда нам удастся перекинуться словечком, из страха перед мужем она даже пожалеть меня не смеет, не говоря уж о том, чтобы чем-то помочь. Ведь она ненамного меня старше, а детей у нее уже больше, чем пальцев на одной руке.

Да и зачем помогать? Никому это и в голову не придет. Выдают замуж против воли? В Дагестане это обычное дело. Пусть у многих в домах телевизоры и телефоны, нравы в нашей горной долине остались такие же, как много веков назад. Мы живем по законам предков, подчиняемся обычаям, а если точнее, все сводится к одному обычаю. Мужчина — всё, женщина — никто. Это мы, девочки, усваиваем, едва начинаем делать первые шаги, держась за юбку матери.

Я знала, что рано или поздно это случится. Вступив в брачный возраст, стала жить в неотступном страхе, что однажды отец скажет: на тебя нашелся покупатель. Правда, пока не выдали Диляру, я не сильно волновалась, ведь по нашим законам сначала должна выйти замуж старшая сестра, а уж потом наступает черед остальных девочек в семье. Если бы ее никто не засватал, я бы тоже осталась старой девой, пусть бы даже за мной выстроилась очередь. Но со дня свадьбы Диляры мне не стало покоя. Изнурительный труд с утра до вечера лишь немного притуплял этот страх, да еще робкая надежда, что отец пожалеет меня и позволит самой выбрать суженого. Глупые мечты, недостойные честной девушки. Позволь мне отец такое, и позору не оберешься. Старейшины села отвернутся, про наш дом станут говорить нехорошее. И поэтому я смирилась, как смирилась Диляра, а перед этим — наша мать, а перед ней — мать нашей матери.

Ожидание неизбежного так отравляло мою жизнь, что — клянусь Аллахом — я испытала облегчение, когда увидела входящую во двор Расиму-апа. Лицо у нее было такое, что я сразу все поняла

и тотчас опустила голову как можно ниже, сделав вид, что занята замесом теста для чуду¹ и не замечаю ничего вокруг. Расима-апа удовлетворенно кивнула, шествуя мимо меня в своих просторных одеждах, скрывающих дородное тело. Она вошла в дом, и вскоре отец позвал меня в залу, где принимал только дорогих гостей. Вот тогда я и узнала, что сосватана за Джамалутдина-ата, которому Расима-апа приходится родной тетей и который полгода назад убил свою жену.

¹ Тонкие пресные лепешки с начинкой.

Мой отец, как сказали бы в России, занимается бизнесом. У нас про таких, как он, говорят — уважаемый человек. Ему принадлежит большой участок земли в получасе ходьбы от села, где растут перцы, баклажаны и лук, которые отец раз в неделю отвозит в Махачкалу на своем ржавом грузовичке и сдает оптовику. Кто такой этот оптовик, я толком не знаю, просто слышала, как отец не раз сетовал на его жадность, порочащую правоверного мусульманина.

Наверное, дела у отца идут хорошо, мы ни в чем не нуждаемся (не то, что большинство соседей). У нас просторный дом, правда, большая его часть отведена Жубаржат и детям, которые все рождаются и рождаются. Отец занимает скромную комнату в задней части дома, где он спит и ведет свои учетные книги. Я сплю в пристройке за кухней, такой маленькой, что там умещается только мой топчан, и даже сундук с одеждой приходится оставлять за занавеской. Еще есть гостевая комната — зала, где всегда чисто и пусто. Отец не позволяет детям туда

ходить, да и большинству гостей тоже. Когда жители села приходят в дом, отец принимает их в кухне, а если визитеры женщины, они через боковую дверь идут сразу на половину Жубаржат. Расима-апа — исключение, возраст и положение позволяют ей говорить с мужчиной с глазу на глаз, особенно по такому важному поводу, как сватовство.

Живем мы скромно. Отец говорит, что выстав-
лять напоказ достаток — харам, грех. Поэтому в
моем сундуке только два повседневных платья, ко-
торые я чиню в случае надобности, и одно выходное.
Платков у меня около десятка, ведь их нужно сти-
рать ежедневно — не дай Аллах, кто-нибудь уви-
дит пятнышко, да и стоят они немного, поэтому отец
покупает мне их время от времени, а я бережливая,
вещи меня любят, как говорит Жубаржат. Ей-то
вечно требуются обновки.

Косметикой я не пользуюсь. Ходить накрашен-
ной считается одним из самых ужасных грехов для
незамужней девушки, такая никому не будет нужна.
Мне бы хотелось иметь хоть одну из тех красивых
вещиц, что я видела у двоюродных сестер, когда ез-
дила в Махачкалу навещать тетю. Но отец в ответ
на мою просьбу нахмурился и сказал только одно
слово — «харам!», а это равносильно строжайше-
му запрету, нарушение которого жестоко карается.
У нас нравы суровые, за помаду девушку могут при-
людно побить, и никто за нее не вступится, наобо-
рот — еще и осудят.

Абдулжамал (так зовут моего отца) не всегда
жил в достатке. Когда мы с сестрой были еще ма-
ленькие, он, если находился в добром настроении,
рассказывал истории из своего детства, и один раз

я даже заплакала от жалости к нему, настолько тяжелой была его жизнь, пока он не стал сам зарабатывать на хлеб. Абдулжамал, а с ним девять его сестер и двое братьев, вместе с родителями ютился в маленьком домике у подножия гор и с пяти лет в любую погоду помогал отцу пасти овец. Но овцы не принадлежали семье Абдулжамала, его отец был лишь наемным пастухом, и вот однажды, когда оба заснули, разморенные полуденной жарой, кто-то украл почти всех овец из стада. Отцу Абдулжамала нечем было возместить убыток, его жестоко избили, он долго лежал в больнице, и все это время семья жила впроголодь, питаясь лишь тем, что росло в огороде. С той поры Абдулжамал твердо решил, что придет день, когда его семья не будет нуждаться. Но прошли долгие годы, прежде чем это и в самом деле произошло.

Мама была совсем юной, когда отец на ней женился. За четыре года она успела родить ему лишь двух дочерей и умерла, рожая мальчика, который не прожил и дня. Горевал отец недолго, в наших краях мужчине нельзя без жены, которая ведет хозяйство и смотрит за детьми, поэтому на исходе положенного срока он привел в дом Джамилю.

Джамиля прожила с нами чуть больше трех лет. Она была добра ко мне и Диляре и хорошо справлялась с домашними обязанностями, вот только никак не могла зачать. Отец хотел сына, поэтому он развелся с Джамилей и отправил ее обратно в родительский дом, а для женщины нет большего позора, чем быть отвергнутой мужем. Говорят, Джамиля от отчаяния подалась в город и там пошла по кривой дорожке. Но думаю, это наговоры дурных людей.

Она была правоверная мусульманка, наша первая мачеха.

С появлением Жубаржат все изменилось. Не прошло и года после свадьбы, как она родила первенца — Азима, что в переводе с арабского значит «великий». Отец на радостях подарил молодой жене несколько отрезов со стеклярусом на нарядные платья. Видимо, Жубаржат понравились отрезы, и она захотела еще, потому что ровно через год появился Гусейн, за ним — близняшки Шамиль и Шахбаз, и только потом, одна за другой, две девочки-погодки, наши любимые сестренки — Адиля и Шамсият. Не успевает у Жубаржат опадать после родов живот, как через несколько месяцев опять надувается, словно шар. Она почти не выходит из дому, боится дурного глаза — не все женщины могут похвастаться такой плодовитостью. Поэтому за водой на родник и на работу в поле всегда ходили мы с Дилярой. Но мне это нравилось, ведь больше у нас не было поводов, чтобы выйти из дому.

Когда Диляра вышла замуж, работать пришлось больше прежнего. Теперь я хожу на родник в дальнем конце села по три, а то и четыре раза в день, ведь воды требуется много. Жубаржат готовит еду и купает детей, а я мою полы и посуду, стираю на всех. До родника с пустыми ведрами десять минут ходу, обратно — в два раза больше. Идти надо медленно, чтобы не расплескать воду, и смотреть себе под ноги, но не только чтобы не споткнуться, а потому, что так положено. Молодая девушка не может поднять взгляд выше кончиков своих туфель, даже если на дороге кроме нее никого нет, а уж когда на скамейках у своих домов с утра до вечера сидят

старики... Они всегда найдут, за что осудить девушку, даже если она в юбке до пят и платок полностью скрывает ее волосы. Так что лучший способ уберечься от греха — не допускать даже вероятности греха, так говорит мой отец, и я с ним согласна.

Пока дела у отца шли не так хорошо, мы с сестрой все лето работали в поле. На коленях ползали вдоль бесконечных грядок, уходящих за горизонт, выдергивая сорняки, рыхля землю, а потом собирая урожай. Пальцы трескались до крови, платки выгорали на солнце, а кожа шелушилась от обезвоживания. Когда жара становилась нестерпимой, мы возвращались домой и помогали Жубаржат, торопясь, чтобы к приходу отца ужин был готов, а дом чисто убран. Мы так худели за летние месяцы, что одежда болталась на нас, а глаза западали. Когда несколько человек спросили у отца, не заболели ли мы, он испугался, что люди решат, будто он морит нас голодом, и никто нас таких не засватает. Тогда он нанял сезонных помощников, а нам предоставил заниматься домашней работой. Я стала вставать не в четыре часа утра, а в шесть. Не спеша, по утренней прохладе, шла за водой, готовила завтрак, пила с Дилярой чай в тени раскидистого абрикоса и только после этого начиналась обычная круговерть: помыть, постирать, убрать. В течение дня, если отец отсутствовал, можно было ненадолго зайти к Жубаржат, поиграть с малышами, обсудить насущные дела, а заодно угоститься засахаренными фруктами, которыми отец иногда баловал жену. Детям он никогда не покупал лакомств, считая это расточительством.

Диляра недолюбливала Жубаржат, не знаю, почему — спросить я не решалась. А вот мне мачеха

понравилась сразу, и я старалась помогать ей с детьми и уборкой, если у меня оставалось свободное время после всех дел.

Когда Диляра нас покинула, мы с Жубаржат еще больше сблизились. Правда, отец не догадывается об этом. В его присутствии мы не смеем и словечком перемолвиться. Когда он избивает одну из нас, другая не вмешивается, твердо усвоив: вступишься — сразу получишь свое. Отец не трогает жену, лишь когда у нее живот уже такой огромный, что она того гляди начнет рожать. Тогда он ограничивается тем, что кричит и замахивается на Жубаржат, но я все равно каждый раз закрываю глаза, чтобы не увидеть, как тяжелый кулак опустится ей на голову — вдруг в этот раз отец не сдержится?..

А вот мне всегда достается сполна. Повод может быть любой: не доварила хинкал, плохо выглядила рубашку, задержалась возле родника дольше положенного (наверняка заглядывалась на парней, нечестивая!), не кинулась выполнять распоряжение отца с должной поспешностью... Я научилась молниеносно уворачиваться от летящих в меня калош, палок и алюминиевых мисок и терпеть боль от ударов чем ни попадя, если отцу удастся меня поймать. Все считают его добрым. Он очень редко избивает нас до потери сознания, чего не скажешь о других мужчинах, крики жен и дочерей которых давно стали привычными звуками на нашей улице, и на которые никто не обращает внимания, как на кукареканье петуха или лай собаки.

За тяжкую провинность женщину могут приговорить к смерти, и никто за нее не вступится. Вот Джамалутдин-ата убил жену, и ничего ему за это не

было. Теперь он снова решил жениться, и его выбор пал на меня. Если бы он убил Зехру на полгода раньше, он бы тогда засватал не меня, а Диляру, старшую дочь Абдулжамала Азизова, и к тому же более красивую, чем я. Но когда сватали Диляру, жена Джамалутдина-ата еще была жива. Вот так и получилось, что Диляре достался добрый и спокойный муж, который со дня свадьбы ее ни разу пальцем не тронул, а я уже четыре дня трясусь от страха, прекрасно понимая, что меня ждет.

* * *

— Салихат!

Я захожу в комнату, втянув голову в плечи и, не поднимая взгляда от выскобленных добела половиц, останавливаюсь перед отцом. Он опирается на стол одной рукой, колени широко расставлены. Я знаю, что за его спиной Жубаржат — хотя и не вижу ее — опустила глаза.

— Тебе понадобится все, что полагается к свадьбе.

Это не вопрос, это утверждение, и я молча киваю, соглашаясь. Если я сейчас заговорю, из глаз польются слезы и тогда в меня наверняка полетит что-нибудь, до чего отец сможет дотянуться.

— Свадьба через две недели.

Так скоро! Я цепенею от ужаса. Я надеялась, что это произойдет ближе к зиме. Или хотя бы ранней осенью. А теперь только июнь. В свой день рождения я проснусь уже замужней. О Аллах, почему ты посылаешь мне такое испытание? Может, еще не поздно все исправить?

— Отец... — умоляюще шепчу я.

Жубаржат за его спиной делает страшные глаза и мотает головой. Но я не обращаю внимания, ведь сейчас решается моя судьба. Хотя на самом-то деле она уже давно решена — в день, когда я появилась на свет.

— Отец, пожалуйста...

— Ты что сказала, Салихат? — Брови отца сходятся на переносице, это очень тревожный знак, но страх перед скорым замужеством лишает меня остатков разума.

— Прошу, не отдавай меня Джамалутдину-ата. Ты знаешь, что он сделал со своей женой...

— Его жена была шлюха! — Слова, хлесткие как плеть, вылетели из отцова рта вместе со слюной. — И получила по заслугам. Если ты сделаешь, как она, я сам тебя убью, а не твой муж. Ты поняла?

Я киваю, хотя и не знаю, что именно сделала покойная Зехра. Ноги дрожат противной дрожью, руки липкие от пота, я кусаю губы, чтобы не разрыдаться. Это была единственная попытка сопротивления, на большее я не способна. И отец это прекрасно понимает. Помолчав какое-то время, достаточное, чтобы я пришла в себя, он продолжает спокойным голосом:

— Через неделю из Махачкалы приедет твоя тетя Мазифат, привезет свадебный наряд и останется помочь с торжеством. Перед свадьбой из соседних сел приедут другие мои сестры, которых мужья согласились отпустить. Гости приедут отовсюду, еду придется готовить несколько дней подряд. Со стороны Джамалутдина будет много родственников. Он уважаемый человек, не хочу, чтобы люди потом

судачили за моей спиной, будто я пожалел чего-то для дочери. Теперь можешь идти. Если к моему возвращению хинкал не будет горячим, шкуру спущу.

Не припомню, когда в последний раз отец обращался ко мне с такой долгой речью. Сегодня он уделил мне целых десять минут. Обычно все происходит куда быстрее: сначала приказ что-то сделать, потом расправа (когда на тебя сыплются колотушки, минуты длятся бесконечно). Но чаще всего он просто молча смотрит на меня одним из своих грозных взглядов, и не нужно слов, чтобы я опрометью кинулась выполнять то или это.

Я иду, ничего не видя вокруг, спотыкаясь, как слепая. Отчаяние, плотное, как тесто для хинкала, залепило мои глаза и легкие, так что я ничего не вижу и почти не могу дышать. До этого момента во мне теплилась робкая надежда, что отец передумает, что не сможет он отдать меня убийце, даже если Джамалутдин-ата пообещал ему объединить деньги в бизнесе. Я отказываюсь верить, что меня продали, словно вещь, заваливавшуюся на полке магазина. Странно, но мысль о том, что многих девочек на нашей улице охотно отдают замуж за первого посватавшегося, лишь бы поскорее сбыть с рук, а не ради денег, не внушает мне такого отвращения, как сделка между отцом и Джамалутдином-ата.

Я забиваюсь в укромный уголок под навесом, где отец хранит инвентарь, чтобы он не увидел, что я прохлаждаюсь. Хочу немного посидеть в тишине и спокойно подумать. Надо, чтобы руки перестали трястись, а тело — исходить липким потом. Может, не все так страшно, как кажется. Если хорошенько подумать, в этом замужестве наверняка найдутся и

положительные стороны, ведь все события посылает нам Аллах, да не оскудеет милость Его.

Вспоминаю все, что слышала о Джамалутдин-ата. Но прежде пытаюсь представить его лицо — и не могу. Я попросту никогда на него не смотрела, хотя мы и встречались иногда на улице. Всякий раз я так поспешно опускала голову, что успевала заметить лишь внушительную фигуру и крупные руки с пальцами, поросшими волосами. Именно эти руки задушили несчастную Зехру. Я вздрагиваю и тотчас прогоняю ужасную мысль, не хочу об этом думать, не хочу. Я не знаю, красивый Джамалутдин-ата или нет, совсем старый или не очень. Его старший сын недавно женился, отец гулял на свадьбе, рассказывал потом, как все было хорошо организовано, не стыдно людям в глаза смотреть. Значит, Джамалутдин-ата никак не может быть молодым. Повезло Диляре — мало того что муж ее не бьет, так он еще и одних с нею лет. Может, поэтому они так хорошо живут, и Диляра не нарадуется. Одно только плохо — беременность все не наступает, и свекровь разносит дурные сплетни о сестре по соседнему селу.

Возвращаюсь мыслями к будущему мужу. Его дом стоит на краю села, почти у самого родника. Теперь мне не придется далеко ходить за водой. Дом обнесен высоким забором, со двора на улицу свешиваются ветви абрикосов, летом густо усыпанные спелыми плодами. У Джамалутдина-ата есть машина, новая «десятка», на ней он каждый день уезжает по делам. Дорога в город проходит мимо нашего двора, так что я наверняка это знаю. Значит, дома он бывает не так уж и часто. Говорят, у него водятся деньги, и дом полон всяких дорогих вещей. Я не